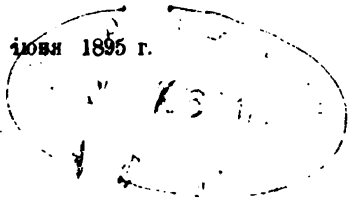

НИКОЛАЙ ХРИСТИАНОВИЧЪ БУНГЕ

БЮГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

11 ноября 1823 г. — 3 июня 1895 г.

Настоящій краткій біографическій очеркъ жизни и дѣятельности покойнаго Николая Христіановича Бунге не затрагиваетъ многихъ вопросовъ очень большой важности, потому что въ сферѣ вопросовъ этихъ покойный соприкасался—то въ качествѣ союзника, то явнымъ противникомъ—съ дѣятельностью и взглядами многихъ еще здравствующихъ государственныхъ дѣятелей Россіи. Характеристики и указанія, касающіяся всѣхъ ихъ, сдѣланныя покойнымъ Николаемъ Христіановичемъ, прольютъ въ свое время много свѣта на ходъ политической дѣятельности Россіи съ 1880 по 1895 годъ, но пользоваться матеріаломъ этимъ теперь, конечно, очень еще неудобно.

Чтобы читатель имѣлъ какое-нибудь представленіе о физической, нравственной и умственной личности человека, которому посвященъ настоящій очеркъ, и объ основныхъ политическихъ воззрѣніяхъ его, позволю себѣ прежде всего въ нѣсколькихъ словахъ обрисовать его съ этихъ именно сторонъ.

I.

Николай Христіановичъ Бунге былъ человѣкъ очень небольшого роста, сильно сутуловатый и крайне худощавый; черты лица его были неправильны, подбородокъ нѣсколько широкъ, носъ прямой, продолговатый и заостренный; его большіе прекрасные глаза, живые и свѣтящіеся, такъ привлекали къ себѣ, что совсѣмъ заслоняли лицо; очень хороша также была и улыбка, удивительно тонкая, соединявшая съ юморомъ и многодоброты. Большую часть жизни Николай Христіановичъ брилъ усы и бороду и очень напоминалъ собою Вольтера, только въ улыбкѣ его было меньше сарказма и гораздо больше мягкости. Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, уступая симпатіямъ покойнаго государя, онъ отпустилъ усы и бороду и, по правдѣ сказать, много потерялъ во внѣшней привлекательности, потому что свѣтившіеся умомъ и чувствомъ глаза при бородѣ и усахъ стали занимать какъ бы гораздо меньше мѣста, и все лицо лишилось своей характерности.

Здоровья онъ всегда былъ очень слабого и вѣчно долженъ былъ лечиться; жизнь же велъ очень правильную. Во время пребыванія въ Петербургѣ вставалъ въ пять часовъ утра и принимался сейчасъ же за работу; часовъ въ 10¹/₂ или 11 выходилъ гулять, примѣрно на часъ; завтракалъ въ двѣнадцать, а съ часу принималъ доклады; около пяти, опять отправлялся на прогулку, обѣдалъ въ шесть и, если у него были гости, сидѣлъ съ ними часовъ до восьми, а позднѣе этого рѣдко кого удерживалъ. Въ половинѣ десятаго засыпалъ въ креслѣ на полчаса, проснувшись читалъ еще полчаса и въ одиннадцать укладывался спать. Только лѣтомъ, живя въ Царскомъ Селѣ или за границей, отнималъ онъ у работы часа три, которые посвящалъ прогулкамъ. Зимой работалъ какъ администраторъ, лѣтомъ же—преимущественно надъ изданными имъ въ послѣдніе годы книгами и брошюрами, а также надъ лекціями, которыя читалъ, съ 1886 по 1889 годъ, по политической экономіи и финансамъ Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ царствующему Государю Императору.

II.

Нравственный обликъ покойнаго Николая Христіановича представляетъ собой нѣчто совсѣмъ исключительное въ средѣ крупныхъ государственныхъ дѣятелей; до послѣдняго своего дня

сохранилъ онъ кристальную чистоту души, рѣдкую скромность и чрезвычайную деликатность.

Чистота души—явленіе не частое среди видныхъ государственныхъ дѣятелей гдѣ бы то ни было. Оно и понятно: добраться до вершинъ общественной лѣстницы трудно безъ борьбы, безъ уступокъ въ мнѣніяхъ, безъ сдѣлокъ съ совѣстью; люди, происхожденіемъ и средствами своими поставленные высоко, еще легче могутъ не идти на уступки, выжидать и достигать многого; люди же, выходящіе изъ общихъ рядовъ, проходятъ такой тяжелый искусь и путь, въ которыхъ у большинства изъ нихъ мало-по-малу слабѣютъ иногда лучшія чувства, великодушнѣйшія мысли и стремленія.

Николай Христіановичъ ничего этого не растерялъ на жизненномъ пути своемъ. 22-лѣтнимъ преподавателемъ нѣжинскаго лицея и семидесятилѣтнимъ предсѣдателемъ комитета министровъ, онъ былъ равно чистъ и молодъ душой, одинаково воспримчивъ ко всему доброму, честному и благородному. Въ вопросахъ морали, по отношенію къ себѣ лично, онъ не зналъ уступокъ и соглашеній. Онъ никогда не женился—„чтобы не ввести новую хозяйку въ домъ любимой матери“, какъ выражался онъ, и въ то же время не имѣлъ никакихъ романическихъ приключеній.— по крайней мѣрѣ, память людей, которымъ теперь уже около шестидесяти лѣтъ, не сохранила даже намекъ на что-нибудь подобное. Между тѣмъ, общества женщинъ онъ вовсе не избѣгалъ, и нерѣдко, во время жизни его въ Кіевѣ и въ послѣдніи пятнадцать лѣтъ въ Петербургѣ, обѣдали у него и проводили часокъ послѣ обѣда женщины и пожилыя, и совсѣмъ еще молодые.

Говорить о безусловной честности и порядочности Николая Христіановича—значило бы повторять общія мѣста. Но онъ шелъ далѣе обыденной общественной морали—онъ никогда не говорилъ неправды, даже въ сношеніяхъ официального характера; изъ десяти случаевъ, быть можетъ, въ семи, восьми онъ не соглашался съ собесѣдникомъ, и такъ какъ очень часто, особенно въ послѣдніе годы минувшаго царствованія, не считалъ удобнымъ высказывать дѣйствительное мнѣніе свое, то или отмалчивался, или, пользуясь рѣдкой своей находчивостью, отдѣлывался какой-нибудь шуткой, а еще чаще переводилъ разговоръ на другіе предметы, преимущественно въ сферѣ литературной, задавая совсѣмъ неожиданно вопросъ въ родѣ такого: „Ну, а читали вы послѣднюю вещь Гюи-де-Мопассанъ... Не правда ли... какая сила“! Душевная чистота Николая Христіановича была удивительно свое-

образна. Почти всегда люди чистой души очень плохо понимают людей вообще и совершенно не въ состояніи выяснитъ себѣ дурные инстинкты и заднія мысли другихъ. Николай Христіановичъ въ этомъ отношеніи не представлялъ исключенія, пока дѣло касалось женщинъ, которыхъ понималъ онъ вообще очень мало и среди которыхъ рѣдко могъ отличить вполне порядочныхъ и цѣннѣйшихъ его только какъ чловека отъ ловкихъ комедіантокъ, искавшихъ въ знакомствѣ съ нимъ—сановника съ вѣсомъ и вліяніемъ. Не скажу также, чтобъ онъ вообще понималъ людей—тутъ у него также бывали промахи. Но какъ только Николай Христіановичъ сталкивался съ государственнымъ дѣятелемъ, онъ съ удивительной быстротой и ясностью схватывалъ и выяснялъ себѣ нравственный его обликъ и понималъ все самые скрытые мотивы мнѣній имъ высказанныхъ, поступковъ имъ сдѣланныхъ и цѣлей имъ преслѣдуемыхъ.

Деликатность Николая Христіановича вошла въ пословицу; она была существомъ его природы, и, я думаю, онъ не смогъ бы и не счумѣлъ бы быть неуклюжимъ и мало-мальски невнимательнымъ къ знакомому или просителю; въ этомъ отношеніи онъ не дѣлалъ различія ни по поламъ, ни по возрастамъ, ни по общественному положенію чловека—съ министромъ и членомъ государственнаго совѣта онъ былъ тотъ же, какъ съ самымъ мелкимъ канцелярскимъ служителемъ или съ курьеромъ своимъ. Но и въ деликатности Николая Христіановича, какъ и въ его душевной чистотѣ, была своеобразная черта. Деликатные люди легко конфузятся, теряются, и на нихъ вовсе не трудно бываетъ насѣсть. Николай Христіановичъ конфузился тоже нерѣдко, но каждая конфузливость моментально вызывала реакцію; онъ очень энергично парировалъ сдѣланный на него натискъ, и заставить его поступить, или высказаться, взявъ его, такъ сказать, нахрапомъ, было почти невозможно. Однако, все-таки деликатность эта много повредила ему, какъ общественному дѣятелю. Проводя крупныя реформы, нарушавшія многіе и важныя интересы, онъ долженъ былъ быть бойцомъ и при дѣлаемыхъ на него нападеніяхъ не только отражать ихъ, но и самъ наносить удары: деликатность мѣшала этому—онъ отражалъ удары, но самъ не наносилъ ихъ, а при такихъ условіяхъ долго побѣждать невозможно.

Была въ характерѣ Николая Христіановича одна черта, которую много и сильно критиковали—не посторонніе, а ближайшіе друзья его и родственники, это—его большая сдержанность и замкнутость. Бывали, напримѣръ, случаи, что онъ рассказывалъ какое-нибудь рѣшеніе крупнаго государственнаго вопроса со вся-

ними оговорками и недомолвками, а на слѣдующій день собесѣдникамъ его приходилось читать соотвѣтственное правительственное сообщеніе, напечатанное въ официальномъ органѣ. Но особенно не любилъ онъ передавать содержаніе разговоровъ и докладовъ своихъ какъ покойному государю Александру Александровичу, такъ и нынѣ царствующему Государю Императору. Пишущій эти строки разъ предложилъ ему вопросъ по этому предмету и получилъ такой отвѣтъ: „Вы знаете, что съ вами я откровеннѣе, тѣмъ съ большинствомъ друзей и знакомыхъ: вамъ иногда передаю я, что докладывалъ и говорилъ Государю; но съ прїѣзда своего въ Петербургъ я никогда и никому не передавалъ *сужденій*, выраженныхъ мнѣ Государемъ. Я передавалъ категорическия приказанія или подлежащія исполненію указанія, но никогда и никому—*сужденія*: не дѣлать я этого и дѣлать не буду“.

Сдержанность и замкнутость Николая Христіановича имѣли послѣдствіемъ то, что мало знавшіе его считали его сухимъ, мало впечатлительнымъ и неотзывчивымъ человѣкомъ. И какъ ошибались такіе люди! Онъ былъ человѣкъ на рѣдкость добрый. Весьма значительная часть собственныхъ доходовъ и министерскаго жалованья шла у него на дѣла благотворенія. Никто никогда не слышалъ у него о томъ, что къ нему обращаются за помощью, и что онъ не отказываетъ въ ней, а между тѣмъ дѣлать онъ это всегда и въ широкихъ размѣрахъ. Пока онъ былъ въ Кіевѣ, помощь его шла прямо изъ рукъ его, или черезъ приходское лютеранское попечительство; когда онъ перешелъ въ Петербургъ, то, заваленный дѣлами большой государственной важности, передалъ дѣло благотворенія своему секретарю, человѣку феноменальной молчаливости, и эта сторона его натуры обнаружилась лишь случайно, уже послѣ выхода его изъ министерства финансовъ.

Рядомъ съ добротой души шла отзывчивость не только ко всему хорошему и доброму, но и просто интересному. Кто могъ бы, напримѣръ, подумать, что ученѣйшій экономистъ Россіи, одинъ изъ самыхъ занятыхъ государственныхъ людей, является въ то же время однимъ изъ лучшихъ знатоковъ не только русской, но и французской литературы и поэзіи. Въ такіе моменты, какъ, напримѣръ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, когда проходитъ государственная роспись расходовъ и доходовъ на слѣдующій годъ, и когда министры финансовъ обыкновенно утомлены и раздражены въ величайшей степени, Николай Христіановичъ находилъ возможнымъ зайти къ Мѣлье, выбрать нѣсколько новыхъ французскихъ романовъ и быстро проглотить ихъ. Когда его спраши-

вали, какъ успѣваетъ онъ это дѣлать, онъ отвѣчалъ: „Да какъ же иначе! Я работаю часовъ десять, одиннадцать; сплю часовъ шесть, семь; гуляю два часа, да на туалетъ идетъ около полу-часа. Что же дѣлать остальное время! Вѣдь въ гости, вы знаете, кромѣ воскресныхъ утреннихъ визитовъ, я ѣзжу рѣдко; у себя принимаю не долго. Вотъ я и читаю; чтеніе освѣжаетъ меня, оживляетъ утомленный мозгъ; въ чтеніи—мой отдыхъ, мое единственное удовольствіе; какъ же могу я не интересоваться тѣмъ міромъ, въ который вводитъ онъ меня, тѣми образами, которые рисуетъ оно мнѣ“! И Николай Христіановичъ дѣйствительно интересовался всѣми отдѣлами литературы русской, французской, нѣмецкой и англійской; съ итальянской знакомъ онъ былъ слабѣе; скандинавамъ же сочувствовалъ мало.

Читая все новое и интересное, онъ въ то же время перечитывалъ старое, и въ этомъ отношеніи вкусъ его удивительно подходилъ къ основѣ его государственной дѣятельности—къ нему, какъ реформатору по существу. За послѣдніе три года жизни онъ прочелъ почти цѣликомъ Жоржъ-Зандъ и Бальзака и ни строки не пропустилъ въ полномъ собраніи сочиненій Щедрина-Салтыкова. Къ другимъ отдѣламъ искусства онъ относился гораздо равнодушнѣе, и сужденія по музыкѣ, живописи и скульптурѣ отъ него слышали очень рѣдко, хотя вовсе нельзя сказать, чтобы онъ лишенъ былъ способности видѣть и цѣнить цвѣта и краски; онъ прямо любилъ природу и наслаждался ею въ уединенныхъ прогулкахъ по южной Германіи, по Швейцаріи и на итальянскихъ озерахъ. Стоило заговорить о Белладжіо—глаза его начинали свѣтиться, и онъ принимался рассказывать. Въ 1893 году встрѣтились мы въ Интерлакенѣ. Николай Христіановичъ жилъ въ „Hôtel-Jungfraublick“ѣ, въ номерѣ, прямо повернутомъ на гору. Какъ-то зашелъ я къ нему около пяти часовъ. Онъ стоялъ у открытаго окна и смотрѣлъ на гору.

— Что подѣлываете, Николай Христіановичъ?—спросилъ я.

— То же, что и всегда въ эту пору—любуюсь вѣчной красавицей Юнгфрау. Смотрите, какой переливъ цвѣтовъ и красокъ... — и съ оживленіемъ юноши онъ сталъ описывать мнѣ, какъ передъ солнечнымъ закатомъ идетъ освѣщеніе Юнгфрау, какъ набѣгаютъ тѣни, какъ переливаются цвѣта.

Вообще Николай Христіановичъ представлялъ собою очень крупную умственную силу и личность такой нравственной красоты, что изъ современныхъ нашихъ политическихъ дѣятелей едва ли кто можетъ сравниться съ нимъ. Дать полную его ха-

рактику теперь, на нѣсколькихъ страницахъ, я не берусь; надѣюсь сдѣлать это позже.

III.

Названія политическихъ партій перешли къ намъ изъ западной Европы; но такъ какъ самыхъ партій этихъ у насъ нѣтъ, то названія скоро потеряли первоначальное свое значеніе и въ пониманіи ихъ оказалась большая путаница.

Въ виду этого, не подводя общій складъ взглядовъ Николая Христіановича подъ ту или другую кличку, я позволю себѣ сдѣлать нѣсколько указаній на воззрѣнія его по нѣкоторымъ кореннымъ вопросамъ, и читатель самъ увидитъ, къ какому лагерю принадлежалъ покойный.

Николай Христіановичъ, вовсе даже не считаясь съ положеніями дѣйствующаго права, но исходя изъ того, чему учила его исторія наша, и изъ того, что видѣлъ онъ въ теченіе пятидесяти-пяти-лѣтней жизни своей въ русской провинціи, былъ убѣжденный и безкорыстный монархистъ; онъ считалъ, что при относительно большей культурности западной половины имперіи, гдѣ въ руководящихъ классахъ преобладаютъ центробѣжные стремленія, цѣлость и сохранность государства можетъ быть ограждена лишь единствомъ власти; онъ полагалъ, что русскій народъ, по свойствамъ своего характера мало способный къ систематической постоянной мелкой повседневной борьбѣ и усиліямъ, можетъ въ минуты подъема духа дѣлать подъ руководствомъ единой твердой власти такіе шаги и успѣхи, которые граничатъ съ чудесами. Николай Христіановичъ указывалъ на большую аналогію въ распредѣленіи работы крестьянина въ теченіе года и работы политической жизни нашей народности. Въ теченіе всей зимы, значительной части осени и весны, крестьянинъ, особенно центральной черноземной Россіи, дѣлаетъ очень мало; за то въ страдную пору онъ трудится нерѣдко по 18 часовъ въ день, исхудаетъ, истощится, но произведетъ такую работу, которая совершенно не по силамъ западному европейцу, не выработавшему приспособленности къ тому, чтобы однимъ махомъ сдѣлать то, что гораздо легче дается путемъ болѣе слабыхъ, но въ то же время правильнѣе распредѣленныхъ усилій. Такую же работу страдной поры видѣлъ Николай Христіановичъ и въ политической жизни нашей—стоитъ только назвать реформы Петра Великаго и Александра II. Николай Христіановичъ вовсе не на-

ходилъ, чтобы такое движеніе толчками было лучше или просто предпочтительнѣе западно-европейскаго систематическаго движенія; но какъ усилія нашего крестьянина въ страдную пору—результатъ климатическихъ и почвенныхъ условій страны, такъ и нервныя, страстныя періоды реформъ—результатъ особенностей нашего характера, выработаннаго и почвой, и климатомъ, и исторіей нашей. Если бы въ эти моменты рѣшительнаго поступательнаго движенія впередъ реформаторъ былъ чѣмъ-нибудь связанъ, или долженъ былъ бы идти работая силами той или другой партіи—получились бы или ужасы французской революціи, или борьба въ родѣ бывшей за освобожденіе негровъ въ Соединенныхъ-Штатахъ. Русская же верховная власть можетъ дѣлать великое, намѣченное ею дѣло, „безстрастно зря на правыхъ и виновныхъ“.

Николай Христіановичъ былъ горячій русскій патриотъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова. По мнѣнію его, Россія должна была принадлежать русскимъ. Заимствуя выраженіе это изъ Америки, онъ разъяснялъ его тѣмъ, что въ Россіи должны *господствовать*: русская государственность, т.-е. русская государственная власть и русскія учрежденія (на окраинахъ, приспособленныя къ мѣстнымъ условіямъ), русская народность, русскій языкъ какъ общегосударственный и уваженіе къ вѣрѣ, исповѣдуемой русскимъ народомъ и его Государемъ.

И подчеркнул выше слово „господствовать“, потому что господствовать не значитъ только одному господствующему имѣть право на существованіе. Свое выраженіе „господствовать“ Николай Христіановичъ понималъ такъ:

1) Государственная власть должна владычествовать надъ иноплеменниками не какъ власть завоевателя, которой повинуются, пока не могутъ ее свергнуть, но такъ, чтобы тѣ изъ иноплеменниковъ, которые сидятъ сплошными населеніями, стали со временемъ родными сынами, а не пасынками страны,—а тѣ, которые разсѣяны по ней и не имѣютъ развитой общественности, слились бы съ кореннымъ населеніемъ.

2) Наши государственныя учрежденія и законы не должны насильственно ломать во что бы то ни стало исторически сложившійся строй жизни иноплеменниковъ въ ущербъ ихъ благосостоянію и безъ пользы для всего государства, но должны способствовать сближенію иноплеменниковъ съ кореннымъ русскимъ населеніемъ, упрочивать единство государства, укрѣплять уваженіе къ правительству и авторитетъ его.

3) Государственный языкъ долженъ быть господствующимъ.

но господство это должно быть послѣдствіемъ общей въ немъ потребности, а не языкомъ, которымъ имѣется въ виду искоренить насильственно другіе языки и нарѣчія.

4) Господствующая церковь должна быть ограждена и уважаема, не стѣсня свободы совѣсти ни иновѣрцевъ, ни отпавшихъ отъ нея сектантовъ; опираться ей слѣдуетъ на подвижничество ея представителей, а не на полицейскую власть; не силой внѣшней, а убѣжденіемъ и примѣромъ доблестной жизни духовенства приобрѣтаются новые сыны церкви и возвращаются отпавшіе въ лоно ея; употребленіе же каръ закона или административныхъ воздѣйствій возбудить, какъ указываетъ на то исторія всѣхъ временъ и народовъ, только болѣе энергичное противодействие и увѣренность, что страдающіе терпятъ за истину.

Вотъ тѣ основныя положенія, которыя много разъ были высказываемы Николаемъ Христіановичемъ, которыя собирался онъ включить въ политическое завѣщаніе свое, составить которое, къ сожалѣнію, не успѣлъ. Изъ нихъ ясно, что онъ былъ русскій патриотъ, но не квасного пошиба. Всякій, пожелающій вдуматься въ положенія эти, хорошо выяснитъ себѣ его точку зрѣнія на вопросы: національный, языка и свободы совѣсти; поэтому я не стану долѣе останавливаться на нихъ, а перейду къ другимъ, непосредственно съ ними не связаннымъ.

Будучи поклонникомъ твердой власти, Николай Христіановичъ не упускалъ изъ виду, что нельзя хорошо управлять такой, какъ наша, громадною страной, вмѣшиваясь въ мелочныя вопросы мѣстной жизни. Онъ былъ поэтому горячимъ защитникомъ децентрализаціи въ дѣлахъ мѣстнаго хозяйственнаго интереса. Еще профессоромъ, въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ, онъ доказывалъ слушателямъ, что централизація Наполеоновскаго режима приведетъ Францію къ катастрофѣ и добавлялъ: „Починка моста на сумму свыше 3.000 франковъ требуетъ разрѣшенія министра; естественно, что при такихъ условіяхъ министры занимаются не тѣмъ, чѣмъ заниматься имъ слѣдуетъ, и упускаютъ многое изъ того, о чемъ слѣдовало бы хорошенько подумать. Отсюда хромота и бездѣтельность государственной и общественной жизни, что, конечно, къ добру не поведетъ“. Событія 1870-го года вполне оправдали его предсказанія. Результатомъ такого взгляда на вопросы мѣстнаго управленія была всегдашняя готовность Николая Христіановича поддерживать права самоуправленія земствъ и городовъ, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ онъ нисколько не отрицалъ необходимости большаго, чѣмъ было первоначально установлено,

контроля правительства надъ земскимъ и городскимъ управленіями.

Взгляды Николая Христіановича на печать были передовые. Онъ находилъ, что въ самодержавной монархіи, какъ наша, истина далеко не всегда можетъ дойти до слуха царева. Въ виду этого и того, что министры всегда могутъ добиться выраженія пріятнаго имъ мнѣнія со стороны нѣкоторыхъ общественныхъ группъ, и что, по существу дѣла, сколько-нибудь энергичный министръ можетъ всегда быть „*фабрикантомъ общественнаго мнѣнія*“, разумѣя, конечно, мнѣнія открыто заявляемыя,— Николай Христіановичъ считалъ, что печать у насъ больше чѣмъ гдѣ бы то ни было можетъ оказать пользы, лишь бы ей дана была нѣкоторая свобода обсуждения; слѣдовало бы, по его мнѣнію, установить очень строгія взысканія, но взысканія налагаемыя по суду, оставивъ за администраціей право временной пріостановки изданій въ случаяхъ появленія статей—по выраженію закона нашего—„явно возмутительнаго содержанія“. Степень бережности отношенія Николая Христіановича къ печати видна изъ того, что за шесть лѣтъ его министерства ни одна газета, ни одинъ журналъ, не только не были запрещены по его просьбѣ, но не получили ни предостереженія, ни внушенія. Въ то же время онъ всячески избѣгалъ оповѣщать повременныя изданія, что та или другая мѣра или проектъ министерства не подлежитъ оглашенію или обсужденію.

Какъ далеко шло это нежеланіе воздѣйствовать на печать, можно судить по слѣдующему случаю.

Газета „Гражданинъ“, весьма тогда вліятельная, постоянно нападала на всѣ мѣры Николая Христіановича. Изъ ближайшихъ его сотрудниковъ я пользовался особымъ ея вниманіемъ, и въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ чуть не въ каждомъ номерѣ подвергались нападкамъ и дѣятельность дворянскаго и крестьянскаго банковъ, и моя лично, какъ ихъ управляющаго. Газета находила, что дворянскій банкъ грабятъ дворянъ тѣмъ, что не всегда выдаетъ ссуды въ тѣхъ размѣрахъ, какіе испрашиваютъ заемщики,—газетѣ не приходило, конечно, въ голову, что превеличенныя ссуды затянутъ петлю на шеѣ передового сословія имперіи. Видя во мнѣ малоподатливаго противника, она не щадяла эпитетовъ, называя меня то—„Робеспьеръ дворянскаго банка“, то „Марать крестьянскаго банка“, то „двуликій Янусъ, свѣтлой частью лица обращенный къ крестьянскому, а темной къ дворянскому банку“, то, наконецъ, „новѣйшимъ Иосафатомъ Огризко—дворянскаго и крестьянскаго банковъ“. Въ день одной изъ са-

мыхъ забористыхъ выходовъ князя Мещерскаго меня позвали къ министру. Николай Христіановичъ очень рѣзкимъ и недовольнымъ тономъ спросилъ:

— Читали вы, что сегодня пишетъ про васъ „Гражданинъ“?

— Да... читалъ... по долгу службы.

— Вѣдь это Богъ знаетъ что! — взволнованно заговорилъ Николай Христіановичъ: — позорить, клеветать... Я имѣю полную возможность прекратить все это. Я вполне предоставляю себя въ распоряженіе ваше и не далѣе какъ съ послѣ-завтра имя ваше больше не появится въ „Гражданинѣ“, а о дворянскомъ и крестьянскомъ банкахъ не будетъ болѣе разсужденій. Будутъ факты, но никакихъ разсужденій, понимаете...

— Понимать-то я это понимаю, Николай Христіановичъ. Да что толку! Будетъ князь ѣздить по гостинымъ, будетъ разсказывать еще болѣе несообразныя вещи и добавлять: „какое безобразіе, и вывести на чистую воду не могу.—Высочайшимъ повелѣніемъ прикрылись“,—и ложные слухи будутъ доходить до кого слѣдуетъ еще въ болѣе преувеличенной формѣ...

— Такъ вы не хотите...

— Къ чему!..

Николай Христіановичъ почти вскочилъ съ кресла, крѣпко пожалъ мою руку и сказалъ только одно слово: „благодарю“... Но я помню и долго буду помнить тонъ этого слова... Очевидно было—я доставилъ ему большое удовольствіе.

Съ половины восьмидесятыхъ годовъ вопросъ сословный, главнымъ образомъ о преимущественныхъ правахъ и значеніи дворянства, выдвинутъ былъ на первый планъ покойнымъ графомъ Д. А. Толстымъ. Николай Христіановичъ вполне признавалъ заслуги и историческую роль дворянства, думалъ, что оно и теперь имѣетъ огромное значеніе, и былъ увѣренъ, что оно, какъ передовое и наиболѣе образованное сословіе, приспособится къ новымъ условіямъ жизни; тѣ члены его, въ которыхъ нѣтъ достаточной жизнеспособности и жизнѣдѣтельности, отпадутъ. Но само сословіе, уменьшившись численно, много выиграетъ качественно. Поэтому, не сочувствуя въ общемъ такой мѣрѣ, какъ учрежденіе дворянскаго банка, онъ все же не противодействовать ей; но за то съ большой энергіей возставалъ противъ того, между прочимъ, пункта правилъ о земскихъ начальникахъ, по которому они назначаются лишь изъ дворянъ, и не безъ колкости указывалъ, что, согласно правилу этому, трое ближайшихъ и талантливѣйшихъ сотрудниковъ Петра I, Екатерины II и Але-

ксандра I—Меньшиковъ, Безбородко и Сперанскій—не могли бы быть удостоены званія земскаго начальника.

Николай Христіановичъ былъ также самымъ горячимъ и убѣжденнымъ защитникомъ законности во *всѣхъ* областяхъ государственной и общественной жизни. Почти все время его министерства и когда затѣмъ онъ былъ предсѣдателемъ комитета министровъ, преобладало въ высшихъ правительственныхъ и административныхъ сферахъ теченіе, признававшее, что административная дѣятельность въ большей части случаевъ лучше отражаетъ настроеніе и мысль Монарха, чѣмъ законъ, изданный, быть можетъ, давно и подъ влияніемъ иныхъ требованій жизни. Николай Христіановичъ всегда и всѣми силами возражалъ противъ такой теоріи. Онъ говорилъ, что при нашемъ государственномъ строе, при огромной власти министровъ и возможности полного произвола исполнителей, точное и неуклонное исполненіе закона есть единственная серьезная гарантія безчисленныхъ интересовъ и личности; если законъ не соотвѣтствуетъ волѣ или настроенію Монарха—измѣнить его не долго; разъ законъ измѣненъ, всякій знаетъ, въ чемъ заключается переѣна и его личныхъ правъ, и взглядовъ дѣйствительнаго правительства, и какъ бы ни было непріятно измѣненіе это для отдѣльныхъ интересовъ, они все же имѣютъ возможность приспособиться, будутъ въ то же время сознать, что все дѣлается по велѣнію власти, а не по капризу исполнителей, и всегда, конечно, предпочтутъ *dura lex, sed lex*—ничѣмъ не обставленнымъ „усмотрѣніямъ“.

Въ сферѣ основныхъ политико-экономическихъ воззрѣній обращу вниманіе читателей на слѣдующіе взгляды Николая Христіановича.

Онъ былъ убѣжденнымъ поклонникомъ частной собственности. Въ эпоху освобожденія крестьянъ онъ представлялъ возраженія противъ предполагавшихся порядковъ общиннаго пользованія землею; но тогда страстныя рѣчи представителей славянофильскаго лагеря, Самарина и Черкаскаго, поколебали его. Въ семидесятыхъ годахъ, въ качествѣ профессора, онъ съ любовью повторялъ намъ слова Юнга: „Дайте человѣку въ прочное владѣніе голую скалу—онъ превратитъ ее въ садъ; дайте ему по девятилѣтнему контракту садъ—онъ обратитъ его въ пустыню“; но при этомъ Николай Христіановичъ не отрицалъ значительныхъ удобствъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, и общиннаго пользованія землей. Въ восьмидесятыхъ годахъ точка зрѣнія его измѣнилась, и онъ возвратился къ тому, что говорилъ до освобожденія крестьянъ. Практика земельнаго пользованія крестьянъ

убѣждала его, что общинное землевладѣніе у насъ теперь непригодно, и онъ всѣми зависѣвшими отъ него средствами стремился усилить элементъ частнаго владѣнія землей среди крестьянъ. Тутъ встрѣтилъ онъ противодѣйствіе со стороны ближайшихъ соотрудниковъ своихъ; не будучи общинниками, они все же отводили общинному крестьянскому землевладѣнію мѣсто равное съ частнымъ пользованіемъ землею. Но, не смотря на противодѣйствіе ихъ, Николай Христіановичъ настоялъ на проведеніи закона, по которому оброкъ крестьянъ бывшихъ государственныхъ обращенъ въ выкупные платежи. Въ послѣдніе годы жизни его нельзя почти было касаться въ разговорахъ съ нимъ вопроса объ общинномъ землевладѣніи, такъ какъ, при малѣйшемъ намекѣ на нѣкоторыя выгодныя его стороны, онъ окрепичивалъ собесѣдника „общинникомъ“ и переводилъ разговоръ на другой предметъ. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что и до самаго послѣдняго времени Николай Христіановичъ вовсе не предлагалъ путемъ закона или административныхъ мѣръ не только уничтожать, но даже ломать общинные порядки; онъ возражалъ только противъ всякой искусственной поддержки общиннаго владѣнія и увѣрялъ, что оно распадется очень быстро, если только предоставить дѣло естественному его теченію.

Обращаясь къ той области, гдѣ Николай Христіановичъ былъ хозяиномъ въ теченіе шести почти лѣтъ, слѣдуетъ указать, что онъ очень стоялъ за облегченіе податныхъ классовъ, за то, чтобъ поставить ихъ въ условія болѣе выгоднаго и удобнаго приложенія рабочей силы ихъ; отсюда—рядъ мѣръ, о которыхъ буду говорить я ниже, и извѣстный циркуляръ, забытый потомъ И. А. Вышнеградскимъ, о томъ, чтобы мѣры полицейскихъ взысканій съ крестьянъ принимать не въ началѣ осени, какъ это дѣлалось, а въ соотвѣтствіи съ моментомъ болѣе выгоднаго сбыта произведеній крестьянскаго хозяйства, и чтобъ, затѣмъ, при взысканіяхъ этихъ не подвергать описи и продажѣ лошадей, скотъ и другія орудія производства въ необходимомъ по числу членовъ семьи количествѣ, а также продовольственные запасы въ тѣхъ же предѣлахъ.

Въ дѣлѣ покровительства русской фабричной и заводской промышленности Николай Христіановичъ былъ протекціонистъ, но протекціонистъ умѣренный, всегда сопоставлявшій интересъ промышленности съ нуждой потребителя и готовый поступиться потребителемъ для производителя въ томъ только случаѣ, когда можно было ожидать серьезнаго развитія промышленности и благопріятныхъ для общества результатовъ. Онъ поднялъ многіе та-

рифы, но вовсе не сочувствовалъ крайностямъ таможеннаго обложенія. смѣнившимъ потомъ его систему.

Я коснулся только нѣсколькихъ существеннѣйшихъ вопросовъ политическихъ и экономическихъ воззрѣній покойнаго; изложеніе другихъ заняло бы больше мѣста, чѣмъ можетъ быть здѣсь удѣлено...

Перехожу къ біографическому собственно очерку.

IV.

Николай Христіановичъ Бунге родился 11-го ноября 1823 года въ Кіевѣ. Отецъ его былъ докторъ медицины, служилъ въ кіевскомъ военномъ госпиталѣ, въ духовной академіи и другихъ учебныхъ заведеніяхъ, и оставилъ по себѣ отличную память и какъ человекъ, и какъ искусный врачъ, особенно по дѣтскимъ болѣзнямъ. Мать Николая Христіановича—Екатерина Николаевна—была два раза замужемъ; отъ перваго брака дѣтей не имѣла, а отъ втораго—только одного Николая Христіановича, который родился притомъ довольно поздно, когда ей шель тридцать-седьмой годъ; она, какъ и матери большинства людей, составившихъ себѣ впоследствии громкое имя, выдавалась рѣдкимъ умомъ, прекраснымъ образованіемъ и чрезвычайною начитанностью. Пишущій эти строки помнитъ ее ветхой старушкой, уже не ходившей,—ее возили въ креслахъ,—но вполне сохранившей такую ясность ума, что она нерѣдко поражала насъ, студентовъ, принятыхъ въ ея домъ.

Имѣя одного только сына, притомъ настолько слабаго, что она почти до двухъ лѣтъ кормила его грудью, Екатерина Николаевна вложила всѣ силы души своей въ дѣло его образованія и воспитанія. Рѣдко встрѣчаются въ жизни отношенія болѣе близкія и сердечныя, чѣмъ бывшія у нея съ сыномъ. Не разъ получалъ Николай Христіановичъ самыя лестныя предложенія, имѣвшія цѣлью перетянуть его въ Петербургъ на постоянную жизнь, но всегда, пока жива была его матушка, онъ отвѣчалъ отказомъ, потому что врачи считали для нея неудобнымъ перемѣну климата, и только послѣ кончины ея онъ принялъ, въ 1880 году, постъ товарища министра финансовъ. Какъ глубоко и какъ долго, въ сущности до послѣдняго своего дня, помнилъ и любилъ Николай Христіановичъ свою мать, служить указаніемъ слѣдующее.

Въ послѣдніе годы его жизни однимъ изъ людей, которыхъ онъ

всего охотнѣе приглашать къ себѣ, быть сенаторъ и бывший оберъ-прокуроръ уголовнаго кассационнаго департамента А. Θ. Кони. У Кони были также очень теплыя отношенія съ матерью своею, жившею въ Москвѣ. Мать его умерла въ 1893 году. Послѣ похоронъ, вернувшись въ Петербургъ, онъ долго никуда не выходилъ, но, получивъ какъ-то приглашеніе обѣдать къ Николаю Христіановичу, съ припискою: „кромѣ васъ никого не будетъ“, онъ поѣхалъ къ нему. Обѣдъ прошелъ какъ обыкновенно. Послѣ обѣда Николай Христіановичъ въ самой осторожной и деликатной формѣ затронулъ вопросъ о смерти матери своего гостя, началъ съ большаго, конечно, тактомъ утѣшать его и мало-по-малу перешелъ къ сравненію съ своею матерью; разговоръ очень оживился; рѣчь Николая Христіановича лилась все легче, выраженія становились задушевнѣе, описанія отношеній къ матери все ярче и ярче, — „и вотъ, — рассказываетъ А. Θ. Кони, — вообразите мое состояніе — вижу передъ собою семидесятилѣтняго старца; онъ говорить о своей матери, и крупныя слезы одна за другой катятся изъ его глазъ“.

Въ семьѣ сохранилось мало извѣстій о дѣтскихъ и юношескихъ годахъ Николая Христіановича. Они протекли мирно подъ охраною любящей матери. Помнятъ только, что онъ былъ страстнымъ садоводомъ и имѣлъ особенное пристрастіе къ кактусамъ; въ тѣ времена очень рѣдкимъ въ Кіевѣ, и которыхъ у него была огромная коллекція. Николай Христіановичъ воспитывался въ I-й кіевской гимназіи, а потомъ прошелъ курсъ юридическаго факультета въ Кіевѣ же. Выдающіяся способности, знаніе иностранныхъ языковъ и настойчивость въ работѣ, повели къ тому, что уже въ годъ окончанія имъ университетскаго курса, въ 1845 году, онъ былъ назначенъ преподавателемъ законовъ казеннаго управленія въ нѣжинскій лицей князя Безбородко, представляющій отдѣльный юридическій факультетъ. 22-хъ-лѣтній профессоръ нашелъ среди слушателей своихъ много однолѣтокъ и даже лицъ старше себя. Это обстоятельство сближало его со студентами, чему, конечно, еще болѣе содѣйствовало его умѣніе сдѣлать занимательнымъ предметъ, считавшійся до него самымъ скучнымъ изъ всего курса. Николай Христіановичъ не ограничился тѣмъ, что широко развилъ теоретическую часть преподававшагося имъ предмета и выяснилъ слушателямъ тѣ теоріи и выведенныя наукой законы, которые легли или должны были бы лечь въ основу положительнаго права; онъ старался развить самостоятельность слушателей и расчистить поле для успѣшныхъ занятій ихъ: для этого онъ не останавливался ни передъ какими затрудненіями;

такъ, напримѣръ, самостоятельныя занятія многихъ способныхъ слушателей встрѣчали препятствіе въ недостаточномъ знаніи ими новыхъ языковъ, и вотъ Николай Христіановичъ обратилъ кабинетъ свой въ учебный классъ французскаго и нѣмецкаго языковъ; желавшіе работать слушатели, одни въ одни, а другіе въ другіе дни и часы, являлись къ нему и, въ качествѣ учениковъ, читали, переводили и разъясняли другъ другу подъ его руководствомъ писателей-экономистовъ, отъ Тюрго до Листа включительно.

Но, привлекая къ себѣ студентовъ, Николай Христіановичъ еще болѣе сближался съ передовыми людьми, которыхъ нашелъ онъ въ Нѣжинѣ—Симоновымъ, Туловымъ и Коперницкимъ. Скоро Николай Христіановичъ сталъ душой и главой кружка, горячо сочувствовавшаго проповѣди Грановскаго и Бѣлинскаго,—кружка, не скрывавшаго отрицательное отношеніе свое къ тогдашнимъ язвамъ русскаго общества—крѣпостному праву и взяточничеству—и искавшаго идеаловъ на Западѣ. Направленіе кружка Бунге оказывало вліяніе не только на учащуюся молодежь, но и на педагогическія сферы Нѣжина вообще, и еще усилилось послѣ того, какъ Николай Христіановичъ, защитивъ магистерскую диссертацию: „Изслѣдованіе началъ торговаго законодательства Петра Великаго“, былъ назначенъ, въ 1847 году, профессоромъ лицея. Но чтò всего удивительнѣе, это—рѣдкій такъ Николай Христіановича.

Наступило тяжелое время—реакція конца сороковыхъ годовъ, вызванная событіями февральской революціи; передовые бойцы за освобожденіе крестьянъ и за поправленныя права человѣчества были кто сосланъ, кто вынужденъ къ молчанію, а Николай Христіановичъ, не скрывавшій своихъ взглядовъ никогда, не былъ заподозрѣнъ въ „неблагонадежности“. Быть можетъ, въ этомъ отношеніи помогла самая глушь того мѣста, гдѣ дѣйствовалъ онъ, но всего вѣрнѣе—главную роль сыграла чистота души его и прямота, при отсутствіи духа прозелитизма.

Въ 1850 году, Николай Христіановичъ былъ переведенъ въ Кіевъ и вступилъ, такимъ образомъ, на вторую арену своей дѣятельности, на которой, хотя и съ перерывами, суждено ему было оставаться почти 30 лѣтъ.

Здѣсь онъ не измѣнилъ своимъ правиламъ и пріемамъ дѣйствій. Поочередно преподавалъ политическую экономію, статистику, финансы и полицейское право (науку объ управленіи). Какъ только въ какомъ-нибудь курсѣ выяснялись студенты, желавшіе серьезно работать, онъ звалъ ихъ къ себѣ, превращался

изъ строгаго и требовательнаго преподавателя въ старшаго товарища, никогда не спускавшагося до уровня младшихъ, но всегда умѣвшаго поднять ихъ до себя, всегда дававшаго широкой просторъ свободѣ обсуждения и умѣвшаго никого не подавлять своимъ авторитетомъ.

Въ 1852 году, Николай Христіановичъ получилъ высшую ученую степень—доктора политическихъ наукъ, за сочиненіе свое: „Теорія кредита“. Съ этой же поры, кромѣ дѣятельности педагогической—профессора въ университетѣ и преподавателя географіи въ кievскомъ институтѣ благородныхъ дѣвиць — начинается и другая—практическая его дѣятельность въ комиссіи по описанію губерній кievскаго учебнаго округа, гдѣ Николай Христіановичъ былъ сначала секретаремъ, а потомъ вице-предсѣдателемъ. Ординарнымъ профессоромъ Николай Христіановичъ былъ утвержденъ въ 1854 году—сначала по кафедрѣ политической экономіи на историко-филологическомъ факультетѣ, а потомъ на юридическомъ—по кафедрѣ полицейскаго права.

V.

Въ 1859 году, Николай Христіановичъ выдвигается въ рядъ наиболѣе видныхъ дѣятелей. Во-первыхъ, онъ назначается ректоромъ университета и, во-вторыхъ, привлекается къ дѣлу, о которомъ мечталъ съ самыхъ юныхъ лѣтъ—къ участию въ Петербургѣ въ работахъ редакціонныхъ комиссій, задачей которыхъ была выработка правилъ объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ и законовъ, на основаніи которыхъ затѣмъ должны были жить 20 милліоновъ „свободныхъ сельскихъ обывателей“. Многие и долго работали надъ этимъ вопросомъ, но главными исполнителями и кодификаторами воли государя были Николай Милютинъ, князь Черкасскій, Юрій Самаринъ, Яковъ Соловьевъ и Николай Бунге. Послѣднему принадлежитъ всецѣло планъ выкупной операціи и положеніе о выкупѣ.

Русская исторія неизгладимыми чертами записала на скрижаляхъ своихъ эти имена, и какъ объ Екатеринѣ II нельзя думать и говорить, не вспоминая Потемкина, Безбородко и Бецкаго, такъ и образъ Царя-Освободителя пополняется и вырисовывается во всей красѣ именами Милютина, Самарина и Бунге.

Окончивъ работу свою въ Петербургѣ, Николай Христіановичъ вернулся въ Кіевъ, къ исполненію обязанностей своихъ, какъ ректора университета. Время наступило тяжелое, и до сихъ

поръ еще не оцѣнена достаточно и не описана подробно дѣятельность его въ эти годы. Надвигалось польское возстаніе. Сказанныя въ 1859 году государемъ Александромъ II въ Варшавѣ полякамъ слова: „point de rêveries“—повели среди поляковъ къ мысли добиться при содѣйствіи Европы силой того, чего не хотѣлъ дать государь по доброй волѣ; заигрыванія Наполеона III подивали масла въ огонь. Кіевъ былъ средоточіемъ края русскаго по массѣ населенія, но землевладѣльческой классъ котораго былъ тогда, въ началѣ 60-хъ годовъ, преимущественно польскій; поляки же своимъ богатствомъ и связями играли главную роль среди городского населенія и всегда встрѣчали поддержку въ евреяхъ, комиссіонерахъ и поставщикахъ своихъ. Болѣе половины студентовъ кіевскаго университета были поляки. Естественно, что варшавскія волненія скоро отразились въ Кіевѣ, и университетъ, средоточіе горячей молодежи, сталъ центромъ волненій поляковъ—мѣстомъ столкновенія студентовъ—поляковъ и русскихъ. Много нужно было ума и такта, чтобы не внести политику въ педагогическую сферу и въ то же время устранить всякій упрекъ въ поблажкѣ; послѣдующее показываетъ, какъ искусно вышелъ изъ тяжелаго положенія своего Николай Христіановичъ. Поляки недолюбливали Николая Христіановича, но всегда относились къ нему съ уваженіемъ и всегда говорили, что въ тяжелую минуту начала повстанія кіевскій ректоръ былъ безусловно корректенъ. Но, при корректности по отношенію къ полякамъ, легко было навлечь на себя неудовольствіе администраціи или обвиненіе въ недостаткѣ патріотизма; Николай Христіановичъ—нѣмецъ по фамиліи, лютеранинъ по религіи, либераль по убѣжденіямъ—сумѣлъ однако упрочить репутацію свою, какъ глубоко русскаго, вѣрнаго слуги своего отечества и чистѣйшей души человѣка.

Съ уходомъ изъ Кіева многихъ студентовъ-поляковъ гдѣ банды, университетъ значительно опустѣлъ, и положеніе дѣлъ очень упростилось. Но отдых не сужденъ былъ Николаю Христіановичу—его вытребовали опять въ Петербургъ, гдѣ составлялся министерствомъ А. В. Головнина новый университетскій уставъ, давшій самоуправленіе нашимъ ученымъ коллегіямъ,—и виднѣйшимъ дѣятелемъ по его составленію былъ Николай Христіановичъ.

Вслѣдъ затѣмъ, онъ преподавалъ, во второй половинѣ 1863 и въ первой половинѣ 1864 года, науку финансовъ тогда наслѣднику престола, скончавшемуся черезъ два года потомъ въ Ниццѣ, великому князю Николаю Александровичу. Николай Хри-

Христіановичъ говорилъ не разъ, что мало имѣлъ онъ за 35 лѣтъ своей преподавательской дѣятельности слушателя такого воспріимчиваго и талантливаго, и никогда преподаваніе ему не приносило такой радости и даже наслажденія, какъ время, посвященное великому князю Николаю Александровичу.

VI.

Конецъ шестидесятыхъ и всѣ семидесятые годы были временемъ наиболѣе скромной, малозамѣтной для публики, но тѣмъ не менѣе весьма плодотворной дѣятельности Николая Христіановича.

Обстоятельства сложились такъ, что главнѣйшіе дѣятели великихъ реформъ или сошли со сцены, какъ, напр., Николай Алексѣевичъ Милютинъ, или оставались въ тѣни, напр. Самаринъ, Бунге и князь Черкасскій.

Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ началась, а въ семидесятыхъ годахъ ясно выразилась реакція противъ времени реформъ. Начало движенію этому положило польское возстаніе, глубоко оскорбившее русское общество и вызвавшее въ немъ порывъ національнаго чувства. Во главѣ новаго движенія стали люди, не принимавшіе дѣятельнаго участія въ реформахъ; они тѣмъ самымъ отодвинули реформаторовъ на второй планъ; затѣмъ подняла голову стародворянская партія, временно подавленная громомъ освобожденія; окончательное торжество реакціи наступило уже послѣ покушенія Каракозова 4-го апрѣля 1866 года. Съ этого момента явно взяли верхъ въ политической жизни нашей совсѣмъ другія теченія, и потому естественно, что Николай Христіановичъ, дѣятель другой нивы, оставался какъ бы забытымъ въ Кіевѣ.

Здѣсь работалъ онъ въ трехъ различныхъ областяхъ — въ сферахъ кредита, въ городскомъ управленіи, особенно же въ дѣлѣ воспитанія юношества.

Еще въ 1862 году, Николай Христіановичъ принялъ на себя обязанности управляющаго кіевской конторой государственнаго банка. Контора эта передъ тѣмъ давала убытки, и дѣла ея шли очень плохо; со вступленіемъ Николая Христіановича, она сдѣлалась одной изъ самыхъ прибыльныхъ въ Россіи и образцовой по своему устройству. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Николай Христіановичъ очень содѣйствовалъ возникновенію частныхъ кредитныхъ учреждений, а кіевское общество взаимнаго кредита всецѣло обзано

ему, какъ учрежденіемъ своимъ, такъ и блестящимъ ходомъ дѣлъ, такъ какъ онъ многіе годы былъ хоть и даровымъ, но тѣмъ не менѣе самымъ опытнымъ совѣтчикомъ и душою дѣлъ общества. Позже, въ семидесятыхъ годахъ, при его же содѣйствіи возникъ кievскій коммерческій банкъ и другія кредитныя учрежденія.

Съ самаго введенія въ Кіевѣ городского управленія, давшаго большой просторъ мѣстной инициативѣ, Николай Христіановичъ вошелъ въ число гласныхъ и до самаго назначенія своего товарищемъ министра финансовъ оставался гласнымъ, самымъ притомъ дѣятельнымъ посѣтителемъ засѣданій думы, участникомъ многихъ комиссій, разрабатывавшихъ тѣ или другіе вопросы городского хозяйства, и предсѣдателемъ, да и не только предсѣдателемъ, но душой и рабочей силой финансовыхъ комиссій, выработывавшихъ городскія смѣты и слѣдившихъ за исполненіемъ ихъ.

Положеніе управляющаго конторой государственнаго банка и руководителя общества взаимнаго кредита дало Николаю Христіановичу возможность ознакомиться на практикѣ съ условіями торгово-промышленной дѣятельности въ самыхъ разнообразныхъ областяхъ, а дѣятельность въ качествѣ гласнаго думы и предсѣдателя ея финансовыхъ комиссій выяснила ему множество вопросовъ мѣстнаго хозяйства; обѣ же дѣятельности эти привели его къ знакомству съ огромнымъ числомъ людей самаго различнаго экономическаго и общественнаго положенія. Во всѣхъ областяхъ дѣятельности своей, Николай Христіановичъ успѣлъ снискать всеобщее довѣріе и уваженіе, и потому естественно, что городская дума не разъ просила его занять мѣсто кievскаго городского головы, но Николай Христіановичъ, зная, что мелочныя заботы повседнежнаго управленія не могутъ не пойти въ ущербъ дѣлу преподаванія, всегда отказывался отъ предложеній думы и главную часть труда своего посвящалъ наукѣ, чтенію лекцій и студентамъ.

VII.

Въ періодъ семидесятыхъ годовъ онъ всего ярче выяснился какъ преподователь и воспитатель юношества.

Какъ преподаватель, Николай Христіановичъ отличался удивительною ясностью изложенія, полнымъ отсутствіемъ лишнихъ фразъ и большимъ недружелюбіемъ ко всякаго рода риторикѣ. Излагая предметъ, онъ стремился не только сдѣлать его понятнымъ слушателямъ, но выяснить его со всѣхъ сторонъ. Всякое

положеніе, всякая теорія получали въ устахъ его разностороннюю и безусловно безпристрастную оцѣнку; онъ указывалъ въ каждомъ писателѣ слабыя и сильныя его стороны; въ каждомъ политико-экономическомъ актѣ, какъ прежнихъ лѣтъ, такъ и новѣйшаго времени, онъ отмѣчалъ благія и дурныя его послѣдствія, вѣрныя и ошибочныя положенія, полезныя или вредныя для различныхъ интересовъ результаты. Николай Христіановичъ не имѣлъ пристрастія къ тѣмъ или другимъ писателямъ или теоріямъ; въ каждой—самой даже ложной теоріи, въ родѣ коммунистическихъ и социалистическихъ, онъ отмѣчалъ то зерно истины, которое было въ ней, подчеркивалъ то, что было справедливо или соотвѣтственно христіанскому чувству и морали, и, въ то же время, беспощадно разбивалъ утопіи, обращалъ вниманіе слушателей своихъ на несоотвѣтствіе теорій съ требованіями людской природы или съ условіями жизни, въ которыя поставлены человѣческія общества. Передъ слушателями его проходили меркантилисты, фізіократы, школа Смита, Мальтусъ, Рикардо, социалисты, коммунисты, школа гармоніи интересовъ, историкъ съ Рошеромъ во главѣ, „катедеръ-социалисты“ и другіе, и у cadaго изъ нихъ Николай Христіановичъ находилъ достойныя вниманія, изученія и разработки мысли, и у всякаго—ошибки, отъ повторенія которыхъ онъ усердно предостерегалъ насъ.

Два, три года слушали студенты преподаваніе его, и каждый, въ соотвѣтствіи съ симпатіями и со складомъ ума своего, причислялъ его къ тому или другому лагерю, но ни одинъ никогда не могъ доказать, что онъ поборникъ даннаго именно ученія или теоріи.

Удивительная способность Николая Христіановича видѣть разныя стороны вопросовъ и теорій отразилась на всей его жизни и дѣятельности. Ею объясняется то, что онъ не оставилъ и не могъ оставить школы своихъ послѣдователей. Среди лучшихъ учениковъ его были и есть поклонники гармоніи интересовъ и явные социалисты, поборники свободы торговли и ярые протекціонисты, монометаллисты и биметаллисты, и т. д. Та же особенность ума отразилась и на дѣятельности его какъ министра финансовъ,—она дала ему возможность затронуть самыя коренныя и разнообразныя вопросы, но она же въ значительной степени подрывала настойчивость въ проведеніи его плановъ; встрѣчая энергичную, враждебную своему проекту аргументацію, онъ очень ясно сознавалъ силу возраженія и слабыя стороны собственныхъ предложеній, и во многихъ случаяхъ тамъ, гдѣ другой, менѣе разносторонній умъ, менѣе привыкшій взвѣшивать всѣ стороны

вопроса человекъ пошелъ бы на проломъ, разъ-другой побѣдилъ бы противниковъ и тѣмъ расчистилъ бы путь къ дальнѣйшимъ успѣхамъ, — Николай Христіановичъ колебался, нерѣдко уступалъ, а уступивъ разъ, другой, ослаблялъ вѣру въ себя союзниковъ и усиливалъ ряды противниковъ, въ которыхъ, какъ это всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, примыкали многіе колеблющіеся.

Но это свойство ума, вредное, быть можетъ, въ государственномъ дѣятелѣ, призванномъ къ осуществленію практическихъ задачъ, было драгоцѣнно въ преподавателѣ. При немъ мысль слушателя не направлялась непремѣнно въ одну сторону, врожденные вкусы не насилывались, умъ работалъ самостоятельно, безъ ломки и насилія надъ нимъ, и то, что являлось послѣдствіемъ мозговой работы, было чѣмъ-то слившимся, сросшимся съ человекомъ. Вотъ почему слушатели Николая Христіановича, и говорю о болѣе способныхъ и долго остававшихся въ сферѣ экономическихъ вопросовъ и дѣятельности, десятки лѣтъ работали въ томъ направленіи, по которому пошли еще до окончанія университетскаго курса.

Лекціями Николай Христіановичъ не ограничивался. Въ Кіевѣ, какъ и въ Нѣжинѣ, онъ привлекалъ слушателей своихъ къ практическимъ занятіямъ тѣми предметами, которые преподавалъ. На практическихъ занятіяхъ аудиторія его особенно полна не была, такъ какъ разъ, что человекъ начиналъ заниматься у него, онъ требовалъ занятій внимательныхъ и постоянныхъ. Помню очень хорошо такой случай: началъ къ намъ на занятія ходить одинъ товарищъ мой, сдѣлавшій потомъ блестящую карьеру въ области чисто-юридической; Николай Христіановичъ предложилъ ему какъ-то вопросъ; отвѣтъ обнаружилъ, что слушатель не бралъ книги въ руки; Николай Христіановичъ ничего не сказалъ; недѣли черезъ двѣ, онъ задалъ новый вопросъ—послѣдствіе то же; Николай Христіановичъ поморщился; черезъ нѣсколько времени третій вопросъ—и тотъ же результатъ; съ самой пріятной, добродушной улыбкой выслушалъ его Николай Христіановичъ и, постоявъ минуту, спросилъ: „Не думаете ли вы, что практическія занятія наши есть способъ... заявить о своемъ существованіи“? Намекъ былъ понятъ, и получившій его никогда больше не являлся на практическія занятія по политической экономіи.

Студенты, принимавшіе участіе въ нихъ, очень привязывались къ Николаю Христіановичу и до конца дней оставались его горячими поклонниками. Но чтобъ любила его масса студентовъ—я не скажу; на массы онъ не могъ дѣйствовать, вотому

что всякій „блескъ и громъ рѣчей“ были ему противны, потому что всякое исканіе популярности претило ему, потому что онъ былъ строжайшимъ исполнителемъ долга своего, какъ преподавателя и ректора, а понятіе долга молодежи въ смутное, пережитое нами въ семидесятыхъ годахъ, время было совсѣмъ не то, на которомъ стоялъ Николай Христіановичъ; наконецъ, молодежь приводила нерѣдко въ трепеть острый языкъ его. Но если нельзя сказать, что масса молодежи любила Николая Христіановича, зато уважали его безгранично, и это уваженіе сыграло огромную роль въ исторіи кievскаго университета первой половины семидесятыхъ годовъ. Въ это время Николай Христіановичъ былъ ректоромъ по выбору. Молодежь знала, что этотъ ректоръ всегда выслушаетъ, наставитъ, направитъ и поможетъ; знала, что, давъ обѣщаніе, онъ всегда его исполнитъ, что онъ всегда заступится и всякому поможетъ въ трудную минуту. На репутаціи его не было ни малѣйшаго пятнышка, и въ то же время знали (по направленію тогдашней русской молодежи, это имѣло огромное значеніе), что онъ къ администраціи не льнетъ, никогда къ начальству безъ дѣйствительной надобности не забѣгаетъ и обращается къ нему только тогда, когда это необходимо для университета или того или другого студента, или же когда сама администрація ищетъ совѣтовъ его. Глубокое уваженіе къ личности Николая Христіановича,—сказала я,—сыграло огромную роль въ исторіи кievскаго университета въ первой половинѣ семидесятыхъ годовъ, и вотъ какъ. Въ это время, среди русской молодежи приобрѣли огромное распространеніе революціонныя ученія; началось такъ называемое „хождение въ народъ“—пропаганда среди народныхъ массъ. Въ то же время истинные вожди агитаторовъ считали полезнымъ постоянно волновать студентовъ, чтобъ держать администрацію въ нервномъ состояніи, а общество—въ постоянномъ недовольствѣ, возбуждавшемся множествомъ высылковъ студентовъ административнымъ путемъ. Въ этотъ же періодъ временно закрываемы были одинъ за другимъ всѣ университеты, въ которыхъ русскіе преобладали надъ другими національностями; петербургскій, московскій, казанскій, харьковскій и одесскій, и только кievскій не подвергся этому за время ректорства Николая Христіановича. Но—почему? Элементовъ агитации въ кievскомъ университетѣ было болѣе, чѣмъ въ другихъ; среди насъ дѣйствовали лица, которые позже доставили большой контингентъ эмигрантовъ за границу; среди насъ было не мало мужчинъ и женщинъ, поздиѣ, въ концѣ семидесятыхъ и въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, сосланныхъ въ Сибирь и даже

казненныхъ. Но у насъ былъ ректоромъ Николай Христіановичъ, и онъ умѣлъ вести дѣло. Во-первыхъ, онъ не вгонялъ болѣзнь внутрь; онъ никогда не разрѣшалъ ни сходки, ни открытіе особыхъ студенческихъ столовыхъ и читаленъ (то и другое въ то время преслѣдовалось администраціей); но онъ зналъ о нихъ и постоянно настаивалъ передъ администраціей (тогдашнимъ генераль-губернаторомъ княземъ Дундуковымъ-Корсаковымъ и попечителемъ Антоновичемъ), чтобъ на столовыя, читальни и сходки смотрѣли сквозь пальцы, ругаясь при этомъ, что онъ, Николай Христіановичъ, лично отвѣчаетъ за порядокъ. И сходки бывали у насъ бурныя, и не разъ приходили мы къ рѣшенію поддержать протестомъ своимъ то петербургскихъ, то харьковскихъ, то другихъ пострадавшихъ товарищей; и поддержали бы, конечно, и выслали бы сотни изъ насъ въ архангельскую, олонекую и прочія прохладныя губерніи, но Николай Христіановичъ умѣлъ остановить все—и во-время не допустить волненія. Очевидно, онъ былъ всегда въ курсѣ дѣлъ нашихъ. Едва затѣвалось что-нибудь, какъ наиболѣе непримиримые и въ то же время вліятельные студенты, человекъ десять, двѣнадцать, никогда болѣе и никогда менѣе, получали приглашеніе утромъ въ такомъ-то часу „пожаловать“ къ г. ректору. Уже въ приѣмной всѣ чувствовали себя неловко. Во-первыхъ, всѣ приглашенные понимали, что ихъ именно дѣятельная роль была замѣчена и что, слѣдовательно, въ случаѣ безпорядковъ они должны будутъ пострадать прежде другихъ; съ другой стороны, находчивость и исключительная колкость языка ректора были всѣмъ извѣстны. Вотъ выходилъ Николай Христіановичъ. Приступали къ объясненіямъ; кто-нибудь начиналъ увлекаться, заговариваться; Николай Христіановичъ сейчасъ находилъ слабое мѣсто и острымъ словомъ рѣзалъ его; товарищи смѣялись, и сконфуженный ораторъ отступалъ на задній планъ. Полчаса такой бесѣды обезоруживали вожаковъ и, какъ послѣдствіе этого, успокаивали волненіе. Такъ было, пока Николай Христіановичъ оставался ректоромъ. Но ушелъ онъ, и очень скоро университетъ былъ закрытъ, потому что ректоръ, превосходный ученый и популярнѣйшій изъ профессоровъ, А. М. Матвѣевъ, не слѣдовалъ приѣмамъ дѣйствій Николая Христіановича.

И въ послѣдніе годы жизни Николая Христіановича предложилъ ему какъ-то вопросъ, почему въ такихъ случаяхъ вызывалъ онъ десять, двѣнадцать человекъ, не болѣе и не менѣе. И Николай Христіановичъ объяснилъ мнѣ, что причина тому — „чисто психологическая“. „Вы знаете, — сказалъ онъ, — что сту-

денты относились ко мнѣ съ нѣкоторымъ уваженіемъ; если я зову 10—12 человекъ—всѣ на виду, словно каждаго слышно; я могъ быть увѣренъ, что никакое оскорбленіе не сорвется съ языка; при толпѣ же, изъ толпы могутъ крикнуть что-нибудь несообразное; пусть даже всѣ не раздѣляютъ это, но впечатлѣніе все же останется; престижъ, если не на этотъ, то на другой разъ, будетъ ослабленъ; вотъ почему я никогда не звалъ къ себѣ много лицъ. По психологическимъ же соображеніямъ, я никогда не звалъ менѣе десяти; когда студентовъ мало, то объясненія принимаютъ слишкомъ домашній характеръ; при разговорѣ съ десяткомъ лицъ, двѣ стороны ярко ограничены—я и они; съ тремя же, четырьмя, скоро завязывается общій разговоръ. Не забывайте также силу, значеніе и впечатлѣніе смѣха; осаживая колкимъ замѣчаніемъ заговорившагося оратора, я возбуждалъ смѣхъ; но смѣхъ двухъ, трехъ товарищей совсѣмъ не производитъ такое дѣйствіе, какъ дружный веселый смѣхъ десятка молодыхъ сильныхъ голосовъ; наконецъ, если я убѣдилъ трехъ, четырехъ, и они выйдутъ къ товарищамъ, ихъ не трудно провозгласить отступниками, измѣнниками,—съ десяткомъ или дюжиной вожаковъ сдѣлать это куда труднѣе“.

И вотъ такимъ-то образомъ, снисходя къ слабостямъ студентовъ, тщательно слѣдя за настроеніемъ ихъ и авторитетнымъ словомъ уважаемаго ректора дѣйствуя на вожаковъ, умѣлъ ограждать и охранить насъ покойный Николай Христіановичъ.

VIII.

Въ началѣ 1880 года, какъ извѣстно, графъ Лорисъ-Меликовъ облеченъ былъ исключительными полномочіями. Онъ находилъ, что государственное хозяйство вообще и податное дѣло въ особенности требовали такихъ рѣшительныхъ реформъ, на которыя вовсе неспособенъ былъ тогдашній министръ финансовъ С. А. Грейгъ, человекъ безспорно талантливый, образованный, но не прошедшій серьезной школы и, быть можетъ, слишкомъ самонадѣянный. Открылась вакансія товарища министра. Грейгъ предлагалъ покойнаго Цимсена, но государь, подготовленный графомъ Лорисъ-Меликовымъ, отвѣчалъ министру вопросомъ: „Отчего не хочешь ты взять Бунге“? Грейгъ ничего не сказалъ, но въ слѣдующій докладъ свой привезъ указъ о назначеніи товарищемъ Цимсена. „Я тебѣ сказалъ—назначить Бунге“,—недовольно замѣтилъ ему государь:—„телеграфируй ему немедленно,

что *Я* желаю видѣть его твоимъ товарищемъ“. Соответственная телеграмма была, конечно, сейчасъ же послана, и Николай Христіановичъ, матушка котораго скончалась года за три передъ тѣмъ, принялъ новое назначеніе и переселился въ Петербургъ.

Между тѣмъ, обстоятельства измѣнялись. Одни вліянія усиливались, другія ослабѣвали, и графъ Лорисъ-Меликовъ долженъ былъ искать себѣ союзниковъ. Бунге, скромный и давно не жившій въ Петербургѣ, не могъ служить для графа сильной поддержкой, и потому постъ министра финансовъ былъ предложенъ А. А. Абазѣ, безспорно талантливѣйшему изъ тогдашнихъ государственныхъ дѣятелей, челоуѣку притомъ съ огромнымъ вліяніемъ въ административныхъ и придворныхъ сферахъ. А. А. Абаза—министръ, и Н. Х. Бунге—его товарищъ, составили рѣдкую пару. Широта возрѣній и огромное вліяніе министра соединились съ глубочайшими знаніями, превосходнымъ перомъ и исключительнымъ трудолюбіемъ его товарища, а если прибавить къ этому выдающійся умъ обоихъ, то неудивительно будетъ, что нѣсколько мѣсяцевъ совмѣстной дѣятельности ихъ окажутся, быть можетъ, самымъ блестящимъ моментомъ исторіи нашихъ финансовъ. Выработанъ былъ проектъ пониженія выкупныхъ платежей, отмененъ соляной налогъ, приступлено къ серьезному улучшенію денежной системы, прекрасно переработано обложеніе сахара. При такихъ главахъ министерства, какъ Абаза и Бунге, при безусловномъ довѣрїи къ нимъ монарха и при рѣшимости его серьезно идти по пути широкихъ финансовыхъ реформъ—дѣлу улучшенія народнаго благосостоянія предстояло блестящее будущее. Но все остановило злодѣйское преступленіе 1-го марта.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ отъ начала новаго царствованія, какъ А. А. Абаза и графъ Лорисъ-Меликовъ должны были оставить руководство дѣлами. Въ обществѣ нашемъ ходили различныя объясненія этого факта. Дѣйствительность, какъ извѣстно, заключалась въ томъ, что два предположенія, на которыхъ они настаивали, не были одобрены государемъ... Какъ сказано въ манифестѣ 29-го апрѣля, покойный государь рѣшилъ самъ „бодро стать на дѣло правленія“. Графъ Лорисъ-Меликовъ и А. А. Абаза были уволены, а Николай Христіановичъ, какъ непричастный къ предположеніямъ ихъ, назначенъ министромъ финансовъ.

Съ большою неохотой принялъ онъ свою новую высокую должность. Да оно и понятно. Онъ съ первыхъ же шаговъ становился въ щекотливое положеніе. Онъ призванъ былъ изъ Кіева какъ реформаторъ, какъ дѣятель, принимавшій участіе въ дѣлѣ

освобожденія крестьянъ. какъ человѣкъ, не разъ заявлявшій о несостоятельности тогдашней податной системы и о необходимости болѣе правильнаго распредѣленія налоговъ между плательщиками. Между тѣмъ, было ясно, что верхъ брали элементы враждебные реформамъ. Принявъ министерство, Николай Христіановичъ понималъ все это и въ первые же дни управленія своего сказалъ нѣсколькимъ знакомымъ: „Калоши и зонтикъ мой въ порядкѣ—я готовъ уйти отсюда въ каждую минуту“.

Въ дѣятельности Николая Христіановича какъ министра наиболѣе плодотворны были первые годы. Тутъ сдѣлалъ онъ такъ много, что исторія, конечно, ярко отдѣлитъ время *до* и *послѣ* его управленія.

Финансы наши были построены на началахъ крайней неравномѣрности обложенія; десятки лѣтъ твердили о необходимости измѣнить порядки взиманія подушной подати съ крестьянъ, которая съ богатаго, имѣвшаго нѣсколько работниковъ, взималась нерѣдко въ меньшей суммѣ, чѣмъ съ голяка, не имѣвшаго семьи и еле-еле въ состояніи бывшаго вести хозяйство.

Николай Христіановичъ началъ съ пониженія выкупныхъ платежей за землю, мѣры, задуманной и въ первоначальномъ видѣ проведенной еще въ министерство Абазы. Достигнувъ такимъ образомъ нѣкотораго уравниенія поземельнаго обложенія разныхъ отдѣловъ крестьянъ по губерніямъ, а въ одной и той же губерніи по качеству и доходности земли, онъ перешелъ къ подушной подати, но не къ реформѣ ея, а къ полной ея отмѣнѣ. Его не остановило то, что изъ бюджета доходовъ уходили такимъ образомъ 50 милл. рублей, доставлявшихся ею ежегодно; онъ смѣло шелъ на встрѣчу дефицитамъ, твердо вѣря, что они исчезнутъ съ поднятіемъ уровня благосостоянія массъ, съ облегченіемъ и уравниеніемъ лежавшаго на нихъ бремени.

Затѣмъ, учрежденъ былъ крестьянскій поземельный банкъ, глубокая идея и польза котораго еще недостаточно оцѣнены; банкъ этотъ долженъ былъ не только облегчать покупки земель крестьянами, но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ оказывались очень острые отношенія между землевладѣльцами и малоземельными крестьянами, давать возможность покупокъ при содѣйствіи правительства и тѣмъ самымъ служить предохранительнымъ клапаномъ, ограждавшимъ отъ взрыва. Эта цѣль была вполне достигнута банкомъ; до учрежденія его всюду въ Россіи шли между крестьянами слухи о новыхъ надѣлахъ, объ отрѣзкѣ земли у помѣщиковъ; но стоило въ какой-нибудь мѣстности начать дѣйствовать банку, и слухи эти замирали. массы переставали на-

дѣяться на даровое и полунасильственное приобрѣтеніе земли и начинали мечтать о законномъ приобрѣтеніи ея путемъ покупки.

Въ законодательствѣ нашемъ до Николая Христіановича не было ограниченій ни относительно числа часовъ работы на фабрикахъ и заводахъ, ни урегулированія труда женщинъ и дѣтей, ни обязательности обученія дѣтей рабочихъ, ни, наконецъ, порядка надзора за этими учрежденіями.

Эти вопросы были широко поставлены Николаемъ Христіановичемъ. Государственный совѣтъ далеко не принялъ всего имъ предложеннаго, но основныя главныя требованія вошли въ законъ, фабричная инспекція была создана, и послѣдующіе министры финансовъ постоянно шли и идутъ по намѣченному имъ пути.

Прежде, наслѣдства, какъ бы велики они ни были и къ какимъ бы отдаленнымъ родственникамъ ни переходили, не облагались ничѣмъ. Николай Христіановичъ добился того, чтобъ при переходѣ имущества, по наслѣдству или путемъ даренія, взималась пошлина, возрастающая въ соотвѣтствіи съ дальностью родства правопреемника, такъ что опредѣлено было взимать съ родныхъ дѣтей 1⁰/₁₀₀ съ цѣны переходящаго имущества, а при самыхъ отдаленныхъ степеняхъ родства или при переходѣ имѣнія къ постороннимъ завѣщателю лицамъ—до 9⁰/₁₀₀ стоимости имущества.

Доходы съ процентныхъ бумагъ, выпущенныхъ правительствомъ, а также съ акцій и облигацій частныхъ обществъ никакому налогу не подлежали. Тѣ и другія были привлечены къ обложенію.

Здѣсь не мѣсто, конечно, разбирать и перечислять даже самыя крупныя реформы финансовой системы нашей, сдѣланныя Николаемъ Христіановичемъ. Въ общихъ чертахъ, политика его сводилась къ уравниенію податного бремени, къ обложенію налогомъ капитала, движимаго и недвижимаго, и въ привлеченіи къ платежамъ богатыхъ классовъ общества, до тѣхъ поръ вовсе отъ нихъ свободныхъ. Всего яснѣе сказалось все это въ законопроектѣ о подоходномъ налогѣ, отринутомъ главнымъ образомъ вслѣдствіе противодѣйствія А. А. Абазы. Обращу еще вниманіе на то, что, реформируя финансы, Николай Христіановичъ не скрывалъ отъ взглядовъ публики мѣры имъ задуманныя. До него всеподданнѣйшіе доклады министра финансовъ, сопровождавшіе росписи, были обыкновенно перечисленіемъ сухихъ цифръ. Онъ придалъ имъ иной характеръ, сохранившійся къ счастью и дониндѣ; онъ сталъ излагать въ нихъ взгляды свои на основ-

ные экономическіе вопросы и мѣропріятія минувшаго года и предположенія на будущій смѣтный періодъ, а также нерѣдко и начала, руководиться которыми предполагало финансовое управленіе.

Совокупность вышеуказанныхъ законоположеній и еще болѣе общій складъ его политики создали, конечно, Николаю Христіановичу безчисленныхъ и весьма вліятельныхъ враговъ. Число ихъ еще болѣе увеличивалось отъ того, что по рѣдкой чистотѣ души онъ, въ вопросахъ болѣе или менѣе личныхъ, вовсе не шелъ на компромиссы.

Яркій примѣръ этому представляютъ его отношенія къ издателю „Москов. Вѣдомостей“ М. Н. Каткову. Когда въ концѣ пятидесятихъ и въ началѣ шестидесятихъ годовъ Катковъ былъ англоманъ, они были съ Николаемъ Христіановичемъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Потомъ нѣсколько разошлись. Когда же Катковъ сдѣлался представителемъ крайностей націонализма, проповѣдникомъ самаго неограниченнаго административнаго произвола, въ ущербъ законности, и глашатаемъ исключительныхъ интересовъ крупной фабричной и заводской промышленности—Николай Христіановичъ сталъ воздерживаться отъ всякихъ сношеній съ нимъ. Со вступленіемъ Николая Христіановича въ министерство, Катковъ предложилъ ему соглашеніе, при которомъ министръ гарантировалъ бы рядъ мѣръ преимущественно въ области таможенной политики, а публицистъ обязывался щадить всѣ остальные мѣры его и поддерживать въ тѣхъ случаяхъ, когда Николай Христіановичъ признаетъ это необходимымъ. Но Николай Христіановичъ отклонилъ это предложеніе, говоря, что не вѣрить прочности соглашенія съ противникомъ по кореннымъ вопросамъ государственнаго управления, хотя бы они и не касались финансовъ, и ожидаетъ болѣе благопріятныхъ результатовъ отъ поддержки слабыхъ единомышленниковъ, но постоянно бывшихъ людьми того же направленія, чѣмъ отъ могущественнаго трибуна, но человѣка многократно мѣнявшаго основныя воззрѣнія свои.

Прямота характера и чистота души не позволяли Николаю Христіановичу прибѣгать также къ тѣмъ мѣрамъ, которыми во всѣ времена и во всѣхъ странахъ бывають иногда такъ сильны министры финансовъ—къ системѣ „do ut des“, иначе говоря—свои мѣры проводилъ онъ только аргументами, а не обѣщаніями болѣе снисходительнаго отношенія къ спорнымъ вопросамъ смѣтъ другихъ министерствъ.

Я говорилъ выше, что всего болѣе сдѣлано было Николаемъ

Христіановичемъ въ первые годы его министерства, пока предсѣдателемъ департамента государственной экономіи былъ графъ Барановъ. По смерти послѣдняго, назначенъ былъ на его мѣсто А. А. Абаза. Когда состоялось назначеніе это, Николай Христіановичъ былъ за границей: помня недавнее прошлое и блистательный ходъ дѣлъ въ то время, когда Абаза былъ министромъ, а Николай Христіановичъ—его товарищемъ, я поздравлялъ его письменно съ тѣмъ, что въ предсѣдателя департамента выбранъ человекъ его направленія, человекъ къ нему расположенный, съ огромнымъ вліяніемъ и умомъ. Каково же было мое удивленіе, когда Николай Христіановичъ, несмотря на всю осторожность свою въ письмахъ и опасеніе чужого любопытства, отвѣчалъ мнѣ, что далеко не раздѣляетъ моихъ восторговъ; что прежде былъ департаментъ, съ которымъ онъ ладилъ, а теперь будетъ одинъ Абаза, безъ котораго обойтись будетъ нельзя. Возвратясь въ Петербургъ, Николай Христіановичъ выяснилъ мнѣ то, чего не понималъ я. „Вы знаете, — говорилъ онъ, — что Абазу не любятъ, что его считаютъ конституціоналистомъ, что Абаза жилъ все время за границей. Какъ же могъ попасть онъ въ предсѣдателя департамента государственной экономіи — одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ постовъ имперіи? Его устроили въ департаментъ наши общіе недруги. Государю они говорили, что для того, чтобъ дѣятельность министерства финансовъ была плодотворна, нужно, чтобы предсѣдатель департамента государственной экономіи былъ одного съ нимъ направленія, а про себя думали другое. Они видѣли, что большинство государственнаго совѣта идетъ со мной; нужно было разбить сплоченную группу — *divide et impera*. Абаза—теперь одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей; ни одинъ бывший министръ не питаетъ добрыхъ чувствъ къ непосредственному своему преемнику. Абаза—человекъ вліятельный, но руководящійся совѣмъ другими, нежели я, стремленіями; онъ поведетъ за собой группу людей, которая лишитъ министерство финансовъ не только сплоченнаго сильнаго большинства, но и какого бы то ни было большинства“.

Послѣдующія обстоятельства показали, что Николай Христіановичъ былъ совершенно правъ.

IX.

Расколъ въ такъ называемой либеральной партіи, нападки Каткова въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, инсинуаціи въ „Гражд-

данинѣ“ распатывали и затрудняли положеніе Николая Христіановича; но покойный государь вѣрилъ ему.

Монархъ ясно понималъ чистѣйшую душу Николая Христіановича, и уйти послѣднему не удавалось.

Помню, какъ сейчасъ, одинъ разговоръ мой съ Николаемъ Христіановичемъ. Въ декабрѣ 1885 года обсуждали мы положеніе дѣлъ, и я горячо доказывалъ, что волна враждебнаго ему направленія поднимается все выше и выше, что не долго еще—и она захлеснетъ его, и что ему слѣдуетъ уйти изъ министерства, не дожидаясь намека свыше. Онъ улыбался долго своею милою доброю улыбкой, и, наконецъ, взявъ меня за обѣ руки, сказалъ: „Оставимъ это... я говорилъ вамъ чрезъ два, три дня по назначеніи меня министромъ—калоши и зонтикъ мои на-готовѣ,—и готовъ уйти въ каждую данную минуту и ушелъ бы, милый другъ мой, да малаго не хватаетъ... нужно, чтобъ отпустили“.

И еще цѣлый годъ послѣ разговора этого, самый тяжелый годъ своей жизни, Николай Христіановичъ оставался министромъ.

Х.

Велико было ликованіе недруговъ, когда стало извѣстно, въ ноябрѣ 1886 года, что Николай Христіановичъ нанялъ себѣ квартиру въ Царскомъ Селѣ. Но новогодній указъ, освободившій его отъ обязанности министра, принесъ врагамъ его неприятный сюрпризъ—онъ назначенъ былъ не только членомъ государственнаго совѣта, какъ этого всѣ ожидали, но вмѣстѣ съ тѣмъ председателемъ комитета министровъ, на смѣну совѣтъ ослѣпшаго М. Х. Рейтерна.

Положеніе председателя комитета министровъ совѣтъ особое.

Постоянныхъ докладовъ у государя онъ не имѣетъ, и инициативы законодательныхъ мѣръ ему не предоставлено; поэтому непосредственнаго личнаго вліянія на ходъ администраціи онъ не имѣетъ. Но всѣ энергичные и подготовленные председатели, когда предстоитъ разсмотрѣніе въ комитетѣ спорнаго или очень серьезнаго дѣла, изучаютъ его и, прежде разсмотрѣнія въ засѣданіи, вѣзды съ всеподданнѣйшими докладами.

Поэтому, если извѣстно, что государь председателю комитета довѣряетъ, то министры рѣдко рѣшаются вступать въ пререканія съ нимъ. Такимъ образомъ, председатель комитета, не имѣя возможности видоизмѣнить *общее* направленіе политики того или другого министра, а тѣмъ менѣе всѣхъ министровъ, можетъ, въ

каждомъ отдѣльномъ случаѣ, весьма рѣшительно вліять на подробности мѣропріятій и законовъ. Въ такихъ предѣлахъ оставался Николай Христіановичъ отъ дня назначенія своего предсѣдателемъ комитета и до послѣднихъ дней жизни почившаго государя.

Новый министръ финансовъ, И. А. Вышнеградскій, отлично зналъ, что Николай Христіановичъ не любитъ его, не сочувствуетъ ему, и что онъ даже явно показывалъ это въ прежніе годы. Поэтому Вышнеградскій, въ началѣ своего управленія, стремился всячески досадить Николаю Христіановичу,—постоянно вносилъ представленія по разнымъ возбужденнымъ еще въ управленіе предшественника вопросамъ, давая имъ разрѣшеніе противоположное тому, которое указано было Николаемъ Христіановичемъ, и въ то же время громко въ залахъ государственнаго совѣта и комитета министровъ критиковалъ его мѣры и приемы дѣйствій. Весьма высокопоставленныя лица совѣтовали Николаю Христіановичу „оборвать“ его; но Николай Христіановичъ только улыбался и молчалъ. Не сочувствуя Вышнеградскому какъ человѣку, онъ помнилъ трудность положенія его какъ министра, не хотѣлъ еще болѣе усугублять ее и имѣлъ свой планъ.

Когда въ концѣ декабря 1887 года слушался въ государственномъ совѣтѣ первый бюджетъ Вышнеградскаго и на него напали со всѣхъ сторонъ, Николай Христіановичъ выступилъ съ такой энергичной защитой своего преемника по министерству, что Вышнеградскій былъ прямо пораженъ. Онъ сразу смягчилъ свой тонъ. Прошелъ еще годъ. При разсмотрѣннн бюджета на 1888 г. повторилось то же, что и за годъ передъ тѣмъ, и Вышнеградскій убѣдился окончательно, что въ трудныя минуты онъ можетъ вполне разчитывать на поддержку Николая Христіановича.

Приемы его значительно измѣнились, и скоро онъ сталъ вносить въ высшія государственныя учрежденія законопроекты, легко укладывавшіеся въ русла, подготовленныя дѣятельностью Николая Христіановича. Постороннимъ наблюдателямъ сначала это было незамѣтно; но когда дѣло дошло до податной и фабричной инспекціи, всѣ стали понимать это. Въ началѣ управленія своего Вышнеградскій не разъ повторялъ, что податная и фабричная инспекція не только не нужны, но прямо вредны,—и что же?—смѣнены были одно изъ начальствующихъ лицъ да четыре—пять податныхъ инспекторовъ, а затѣмъ измѣнилось отношеніе къ Николаю Христіановичу, и Иванъ Алексѣевичъ сталъ требовать кредитовъ на расширеніе инспекціи...

Послѣ одного частнаго разговора по этому вопросу, но въ довольно многочисленномъ обществѣ, Николай Христіановичъ, обратясь къ ближайшему изъ собесѣдниковъ, сказалъ приблизительно слѣдующее: „Помните ли, вы не разъ говорили мнѣ, что я долженъ „оборвать“ Ивана Алексѣевича. Но, скажите, теперь... Не правда ли пріятно чувствовать, что человѣкъ, не хотѣвшій и слышать о предлагавшейся мною задачѣ, потихоньку-полегоньку втянуть въ нее, самъ запретя въ возъ мой и везеть его отлично,—вотъ гдѣ моя месть“...

Сдержанная и всегда примирительная политика Николая Христіановича скоро привела къ тому, что во многихъ случаяхъ онъ явился посредникомъ между неладившими другъ съ другомъ министрами. Особенно сказалось это въ распрѣ, болѣе двухъ лѣтъ тянувшейся между Вышнеградскимъ и министромъ путей сообщенія. Кромѣ того, въ концѣ прошлаго царствованія, на Николая Христіановича возлагались отдѣльные очень серьезные порученія, и рѣдкій тактъ его принесъ огромную пользу дѣлу. Для примѣра можно привести вопросъ о пересмотрѣ финляндскихъ законовъ. Инициаторы дѣла этого стремились повернуть его такъ, что Финляндія могла бы стать для насъ второю Польшей. Николай Христіановичъ, ни на іоту не поступаясь ни истинно русскимъ чувствомъ, ни правомъ верховной власти, направилъ дѣло такъ, что ясно далъ финляндцамъ понять широту правъ по отношенію къ нимъ общаго монарха нашего и выяснилъ имъ, что при недружелюбныхъ съ ихъ стороны отношеніяхъ мы найдемъ средства и безъ большого шума многое переимѣнить въ организаціи управленія и жизни ихъ. Такимъ образомъ, не прибѣгая къ крутымъ мѣрамъ и не ломая основъ самоуправленія страны, дано было дѣятелямъ ея серьезное предостереженіе, а также время изыскать пути для соглашенія и почву для взаимныхъ уступокъ.

Въ настоящемъ очеркѣ жизни Николая Христіановича нельзя останавливаться подробно на дѣятельности его въ послѣдніе годы жизни,—нельзя потому, что всѣ почти руководители министерствъ, съ которыми соприкасался онъ, живы и здравствуютъ.

Скажу только, что со вступленіемъ на престолъ нынѣ царствующаго Государя Императора дѣятельность Николая Христіановича приняла болѣе активный характеръ. Не разъ слышали министры отъ него: „нельзя такую мѣру принимать въ началѣ царствованія молодого Государя“,—и мнѣніе такое брало обыкновенно верхъ, и онъ все чаще и чаще сталъ ѣздить къ Государю съ докладами. Въ Россіи, въ особенности въ земской

Россіи, съ трепетомъ и надеждой слѣдили за Николаемъ Христіановичемъ. Тамъ помнили, что онъ былъ дѣятелемъ освобожденія крестьянъ, что при немъ сняты подушныя; тамъ помнили это и надѣялись, что и въ третій разъ онъ выдвинется въ томъ же направленіи и въ той же области. Но судьба рѣшила иначе,—и Николая Христіановича внезапно не стало.

XI.

Въ послѣдніе годы своего министерства и почти все время предсѣдательства въ комитетѣ министровъ, Николай Христіановичъ ѣздилъ лѣтомъ мѣсяца на два, на три отдохнуть за границу. Послѣдній разъ былъ онъ тамъ въ 1893 году и, возвращаясь домой, нѣсколько дней проболѣлъ въ Берлинѣ.

Врачи не выяснили ему суть болѣзни; но ее знали близкіе люди и родные; это была закупорка мелкихъ кровеносныхъ сосудовъ—признакъ въ его годы возможности быстрого склероза сосудовъ. Послѣ этой болѣзни Николай Христіановичъ нашель, что ему пора перестать ѣздить по Европѣ, и лѣто 1894 года прожилъ въ Царскомъ Селѣ, наслаждаясь его дивнымъ паркомъ.

Гончина императора Александра III сильно поразила Николая Христіановича, лично очень къ покойному государю привязаннаго. А между тѣмъ при новомъ царствованіи, видя довѣріе молодого Монарха и сознавая, что довѣріе это налагаетъ на него еще большую противъ прежняго отвѣтственность, Николай Христіановичъ сталъ волноваться болѣе прежняго. Каждое серьезное дѣло—а ихъ шли десятки—озабочивало его; каждое изучалъ онъ съ рѣдкимъ рвеніемъ, а крайне слабое отъ природы здоровье, переутомленіе и семьдесятъ лѣтъ—сдѣлали свое дѣло.

3-го іюня, въ четыре часа дня, пошелъ Николай Христіановичъ гулять въ паркъ, почувствовалъ себя нехорошо и черезъ полчаса вернулся домой.

Послали за врачами. По лицамъ ихъ онъ угадалъ, что дѣло серьезно, распорядился дать знать Государю, вызвать управляющаго дѣлами Комитета, а затѣмъ сказалъ врачамъ: „Теперь пожалуйста не безпокойтесь—я понимаю, что дѣло идетъ къ концу; смерти я не боюсь и только молю Бога, чтобъ страданія мои не были очень продолжительны...“ И Господь внялъ молитвѣ его. Не прошло трехъ часовъ—и его не стало.

Вскрыли оставленное имъ на случай смерти письмо. Нѣсколько мелкихъ, но необходимыхъ распоряженій, указаніе, гдѣ найти духовное завѣщаніе, и выраженіе желанія быть погребеннымъ въ Кіевѣ рядомъ съ могилой дорогой и незабвенной матери...

Воля покойнаго была, конечно, свято исполнена.

Евг. Картавцовъ.

